Я попал в Афганистан в первые дни после ввода войск, когда в коридорах дворца Амина всё ещё плавал дым от недавнего штурма, на лестницах валялись кровавые бинты и кольца гранат, на полу президентской спальни лежал огромный замусоленный бюстгальтер, а резная золочёная стойка бара была рассечена автоматной очередью, той, что убила Амина.

За годы афганской войны много раз мой самолёт, перелетая заснеженные горы, приземлялся в кабульском аэропорту, и военная машина уносила меня в районы боевых действий.

В ущелье Саланг, по которому из Союза шли колонны наливников, тянулись боеприпасы, снаряды и бомбы, моджахеды спускались с гор, устраивали засады, и горящие наливники падали на дно ущелья, шипели и гасли, омываемые горной рекой.

В пустыне Регистан у пакистанской границы с красными марсианскими песками я уходил с группами спецназа — охотниками за караванами. Бежал, задыхаясь, из-под винтов вертолёта вслед за автоматчиками к верблюжьему каравану, где стояли худые, коричневые от солнца погонщики. На горбах верблюдов висели полосатые сумки с поклажами, и солдаты вонзали в них шомпола в поисках оружия и боеприпасов.

Я видел, как истреблялась Муса-Кала — гнездовье муллы Насима — и белые мечети, золотистые дувалы, цветущие сады и поля сносились огнём артиллерии, ударами вертолётов, пикирующими штурмовиками. Потом, когда вместо цветущего кишлака потянулось огромное вялое облако копоти, из этой копоти бежали собаки с перебитыми лапами и обожжённой шерстью. В Герате среди лазурных изразцовых мечетей я продвигался с колонной бронетехники в мятежный район Деванча, и фугасы рвали катки боевых машин разминирования, а БМП, разведя пулемёты и пушки "ёлочкой", продвигались по узкой улочке, поливая стены огнём.

Их было множество, этих поездок в Афганистан. Было множество прекрасных отважных людей — солдат, офицеров, генералов, командующих 40-й армией, которые сражались в предгорьях Гиндукуша за интересы Красной империи. 40-я армия была великая и трагическая. Она была оболгана и оклеветана либеральными политиками, пришедшими к власти вслед за Горбачёвым и Ельциным.

Я покидал Афганистан с танковым полком. Я ухнул внутрь танка, после нескольких бессонных ночей проспал всю дорогу, пока полк на высоких скоростях мчался по бетонке от Герата до Кушки, и очнулся, когда мы перешли границу. Там, на советской территории, нас не встречал президент. Нас встречали туркмены с арбузами. Арбузы раскатали по столам, рубили на куски штык-ножами. И солдаты, изнурённые походом, жадно ели сладкую мякоть. Я запомнил худые, обгорелые на солнце солдатские лица и красную сочную мякоть, в которую впивались белые солдатские зубы.

В НИКАРАГУА вместе с отрядами сандинистов я продвигался мимо вулкана Сан-Кристобаль, изумрудно-зелёного, с перламутровым облачком на вершине кратера, мимо маленького посёлка Синко-Пинос, затерянного в сосняках, к приграничному городку Сан-Педро-дель-Норте. За посёлком у ручья начинался Гондурас, оттуда в Никарагуа вторгались отряды контрас, и шли непрерывные стычки, схватки на дорогах. Отряды сандинистов с тяжёлыми тюками на спинах, где находились оружие и взрывчатка, переходили границу, углублялись в Гондурас, проходя по болотам к Сальвадору, где на вулкане Сан-Сальвадор сражались повстанцы Фронта Фарабундо Марти. На границе шли бои, и убитого гондурасца привязали за ноги к лошади, волокли по улицам Сан-Педро-дель-Норте, а вдовы сыпали на мертвеца ворохи печной золы и плевали.

На старом "Дугласе" я улетал из Манагуа на Атлантическое побережье, где сандинисты сражались с мятежными индейцами мискитос. И на берегу Рио-Коко в городке Вастан, безлюдном, откуда убежали все жители, я слышал, как в ночи по улицам топочет табун осиротевших, лишившихся хозяев лошадей. Их ржанье и топот влетали в открытые окна казармы. Сандинисты жгли в казармах костры, изгоняя ядовитых комаров, задыхались в дыму и кашляли. Кашель солдат, ржанье лошадей и одинокий выстрел в ночи — всё это помню по сей день в заснеженной зимней России.

В Кампучии вьетнамские солдаты подсаживали меня на трофейный американский транспортёр, захваченный под Сайгоном. На броне транспортёра всё ещё виднелась белая звезда — эмблема американской армии, которую не сумели соскоблить вьетнамцы. Мы двигались в джунглях, и я подружился с вьетнамцем, который воевал тридцать лет: сначала с французами, потом с американцами, а теперь и с красными кхмерами. Мы пили жидкий чай у дороги, у которой высился алебастровый, посечённый осколками слон с отрубленным хоботом.

В Анголе вместе с советскими офицерами я посещал ангольские бригады, которые сражались с южноафриканским батальоном "Буффало". Ангольцы пригласили меня на свою праздничную демонстрацию в центре Луанды. По площади прокатилась процессия грузовиков с фанерными космическими кораблями, деревянными плотинами электростанций, бутафорскими домнами и самоходными комбайнами. С трибун за парадом наблюдали президент и его окружение, все в камуфляже, строгие, грозные — руководители воюющей страны.

Вечером на праздничный приём на берегу ночной лагуны в сверкании прожекторов явились те, кого я видел днём на трибунах. Мужчины были в смокингах, с галстуками-бабочками, а их жёны усыпаны бриллиантами. И я, нахватавшись виски, единственный белый, пригласил на танец жену какого-то министра. Мы танцевали с ней вдвоём среди молчаливых нелюбезных гостей, и я видел, как на чёрной замшевой шее женщины сверкает бриллиант.

В подземном партизанском городе на границе с Намибией вместе с намибийским вождём Сэмом Нуйомой мы пели песню "Этот День Победы порохом пропах". Я видел, как в подземном госпитале лечат раны вернувшимся из партизанского рейда бойцам, как на учебной площадке готовят диверсантов, подрывающих железнодорожные пути и высоковольтные вышки. А в оружейной мастерской, где чинилось и ремонтировалось изношенное в боях оружие, я видел автомат Калашникова: его берёзовый приклад и цевьё истлели, и их одевали в драгоценное африканское дерево — чёрное и красное.

Начальник штаба — огромный бородатый намибиец Питер Наниемба, похожий на чернокожего Льва Толстого, — подарил мне трофейный нож, снятый с убитого солдата из батальона "Буффало".

В Мозамбик летели из ЮАР маленькие самолёты с диверсантами и взрывчаткой. Они садились на аэродромы подскока. Эти аэродромы минировали кубинцы. Самолёты приземлялись и тут же взрывались.

Я плыл на военном катере по Лимпопо — ленивой жёлтой реке. На берегу шли бои и горели тростниковые хижины. На воронёный ствол пулемёта присела разноцветная птица. Я вдруг подумал, что это душа моего отца, прилетевшая из сталинградской степи проведать сына, плывущего по Лимпопо к океану.

В ЭФИОПИИ, где шли жестокие бои в Эритрее, я посещал лагеря беженцев. На бесправной горячей земле под огненным солнцем за изгородью из колючей проволоки толпились люди. Худые, похожие на скелеты, в грязных набедренных тряпках. Женщины с пустыми грудями, у которых на руках умирали голодные младенцы. Я вошёл в эту толпу, смотрел на множество страдающих тоскливых глаз, и с этих больных коричневых тел прыгали на меня блохи, впивались в мою сытую, сильную плоть, и я чувствовал, как блохи жалят меня.

Продолжение — на стр. 6-7

ПРОХАНОВ КОВЧЕГ

* * *

Проханов был главным человеком в моём становлении.

Не одним из — а главным.

Далеко перейдя порог сорока, я спокойно именую себя его учеником, и смотрю на него всё с тем же восхищением, с которым смотрел три десятилетия назад.

Я знаю все его книги и читаю каждое прохановское воззвание — именовать "статьями" огненные речи Проханова язык не поворачивается.

Проханов — сутевой человек нашей эпохи.

Вижу его как Ноя, который прошёл сквозь все эти то штормы, то штили. Не перевернулся, проходя водопады. Разгрёб ледяную шугу. Выплыл сам и вывез весь русский род на чистый простор. И голубь несёт нам крымскую ветвь, донбасский цветок, киевский каштан в клюве.

Проханов — один из сутевых людей русской истории и русской словесности вообще.

Среди главных его предшественников мы найдём автора "Слова о полку Игореве" и автора "Повести о погибели Русский земли" — пронзительных плачей о порухе, посещающей наше Отечество из века в век.

Идя далее, видим Гаврилу Романовича Державина и Александра Семёновича Шишкова. Александр Андреевич даже внешне похож на царедворца, а в молодости — боевого поручика Державина и на адмирала и неистового патриота Шишкова.

Все трое прославляли русское воинство и бережно наставляли русских царей, императриц, вельмож, всякий раз норовивших оступиться в нелепое западничество или грех пренебрежения русским народом.

Всех троих государство призывало в смутные и трудные дни, но едва стихали громы битв и становилось, как думалось вельможам, полегче — неистовых патриотов со всколоченными бровями старательно пытались задвинуть подальше, чтоб не слишком шумели и сверкали очами.

Увы, перерывы меж войнами в России всегда малы. И вот уже новая беда у ворот, и очередной премьер-министр просит секретарей: "…и призовите этого, ну вы поняли. Чтоб высказался. Он умеет".

А те отвечают: "Никак не можем призвать-с, ваше сиятельство!" — "Что такое?" — "Он на фронте-с. Вне связи-с!" — "Ну так разыщите на фронте, чёрт вас раздери!"

В следующие времена прохановская страсть отражалась в суровом пути Александра Серафимовича, авторе великого "Железного потока", первом писателе, принявшем большевистскую революцию, и ушедшим в её великие дела вместе со своими сыновьями. И, конечно же, в Шолохове: здесь мы вспоминаем не только эпика Шолохова, но и его как наставника теперь уже советских вельмож, из десятилетия в десятилетия пытавшегося сказать генсекам и разнообразным придворным: катастрофа при дверях, откройте же, наконец, вельможные очи свои и вглядитесь в неё!

Мне уже выпадала честь поздравлять Александра Андреевича с прежними юбилеями — что само по себе, признаюсь, странно: толку ли поздравлять с очередными датами Ноя — у него совсем иные временные замеры и рамки, не чета нашим.

Но сегодня я хотел бы совместить мою нехитрую здравицу с попутной и, уверен, важной заботой: немного подразобрать бумаги на прохановском столе.

Да не осердится на меня водитель ковчега.

* * *

Так совпало, что в год 85-летнего юбилея у Александра Андреевича Проханова вышел пятидесятый роман. Я собираю и читаю их все, причём в разных редакциях. У меня отдельный шкаф с прохановскими книгами, и я несколько удручён тем, какой непорядок творится в литературоведении при обзорах, слава богу, постоянно пополняющегося наследия Александра Андреевича.

Впрочем, иной раз это объяснимо. Многие его книги имеют по два, а то и по три названия и соответствующее количество вариантов. Романы входят в разные пересекающиеся друг с другом циклы. Хитроумные издатели называют "романами" сборники прохановских передовиц.

Даже опытные читатели и критики путаются в этих лабиринтах.

Но в силу того, что нами эти дорожки изучены, мы сегодня предложим вам путеводитель по Русскому миру Александра Проханова. Конкретный разговор о литературном наследии оставим за пределами данного текста, но лишь пройдёмся по расстановке и боевым порядкам.

Итак.

Романы Александра Андреевича Проханова.

"Кочующая роза" (1974) — первый роман. Безусловная метафора всего прохановского пути заключена уже в самом его названии: ему предстояла невероятная кочевая жизнь по странам, войнам, стройкам, континентам.

"Время полдень" (1975) — второй роман. Как и два последующих — сильнейшая производственно-лирическая сага; отличная, между прочим, проза.

"Место действия" (1978) — третий роман. Экранизирован в 1983 году. В ролях Иван Краско и Александр Демьяненко.

"Вечный город" (1981) — четвёртый роман. Сюжет книги перекликается с поздним романом "Надпись", тем не менее это два совершенно разных произведения.

"Дерево в центре Кабула" (1982) — пятый роман. Один из самых знаменитых и переиздаваемых у Проханова. Является первым из написанных Прохановым романов, посвящённых войне в Афганистане.

"Дерево в центре Кабула" входит в несколько прохановских циклов.

Первый цикл именовался "Горящие сады": это тетралогия военно-политических романов о революционных событиях на разных континентах, свидетелем которых становился военкор (журналист? политолог? разведчик?) Проханов. Помимо "Дерева в центре Кабула", в тетралогию входили романы "В островах охотник…", "Африканист", "И вот приходит ветер".

В переработанной версии роман "Дерево в центре Кабула" получил название "Сон о Кабуле" и вошёл в т.н. Семикнижие о генерале Белосельцеве (изначально главный герой романа носил другое имя). Семикнижие составили, помимо "Сна о Кабуле", три исправленных и дополненных романа из цикла "Горящие сады", а также три новых романа: "Последний солдат империи", "Красно-коричневый", "Господин Гексоген". Позже Семикнижие было завершено повестью "Певец боевых колесниц", тоже посвящённой генералу Белосельцеву.

Наконец, "Дерево в центре Кабула" является составляющим "афганского цикла" Проханова, в который, помимо этого, входят романы: "Записки баталиста", "Дворец", "Пепел", "Стеклодув", а также повести и рассказы из сборника "Третий тост".

В одном из переизданий роман "Дерево в центре Кабула" ("Сон о Кабуле") назывался "Восточный бастион".

В последних на сегодняшний день изданиях роману возвращено первоначальное название.

"Бой на Рио-Коко" (1984) — шестой роман, существенно переработанный спустя полтора десятилетия после первого издания. Изначально вышел под названием "И вот приходит ветер". Посвящён событиям в Никарагуа. Выходил также под названием "Контрас на глиняных ногах". В итоговом собрании сочинений из трёх существующих наименований роман зафиксирован под именем "Бой на Рио-Коко".

"В островах охотник" (1985) — седьмой роман, также существенно переработанный в начале нулевых. Посвящён событиям в Кампучии. Выходил под названием "Матрица войны". В новых переизданиях роману возвращено изначальное имя.

"Африканист" (1986) — восьмой, "африканский" роман (место действия: Ангола, Мозамбик, ЮАР). Был переработан в начале нулевых. Выходил под названием "Выбор оружия". Ныне переиздаётся под изначальным наименованием.

"600 лет после битвы" (1987) — девятый роман. Посвящён советской техносфере.

"Рисунки баталиста" (1989) — десятый роман. Второй роман "афганского цикла". Более тридцати лет не переиздавался. Проханов назвал этот (далеко небезынтересный) роман — "подмалёвком". Вставные новеллы из этого романа вошли в сборник рассказов "Третий тост".

"Ангел пролетел" (1990) — одиннадцатый роман. Совместно с романом "600 лет после битвы" составляет дилогию "Око".

Дилогия "Око" одна из вершинных в творчестве Проханова. Из дня сегодняшнего болезненно видно, как, создавая эти книги в наступившее время смуты, Проханов пытался доказать стране жизнеспособность советского проекта и пояснял, какие мощнейшие ресурсы заложены в нём.

Увы, обуянная жаждой "демократического реформаторства" страна не вняла увещеваниям русского писателя.

"Последний солдат империи" (1993) — двенадцатый роман. Был существенно переработан в начале "нулевых". Если говорить о стилистике, то во втором, переработанном, варианте этот роман стал первой книгой Проханова, написанной в новом, фантасмагорическом стиле.

Посвящён событиям 1991 года. Выходил под названием "Гибель красных богов". В новейших переизданиях публикуется под изначальным наименованием.

"Дворец" (1995) — тринадцатый роман. Третий роман "афганского цикла". Посвящён штурму дворца Амина. Если говорить о хронологии событий, книга "Дворец" открывает "афганский" эпос Проханова.

Перед нами один из самых блистательно выполненных и стремительных в сюжетном строении романов Проханова.

"Чеченский блюз" (1996) — четырнадцатый роман. Посвящён событиям "первой чеченской".

"Красно-коричневый" (1997) — пятнадцатый роман. Посвящён событиям 1993 года. Издавался, как и "Дерево в центре Кабула", под тремя разными названиями: данная книга именовалась так же "Парламент в огне" и "Среди пуль".

В новейших переизданиях роман носит изначальное имя.

"Идущие в ночи" (2000) — шестнадцатый роман. Посвящён событиям "второй чеченской". Вместе с романом "Чеченский блюз" составляет "чеченскую дилогию".

"Господин Гексоген" (2001) — семнадцатый роман. Посвящён приходу ко власти нового президента и терактам, сотрясавшим тогда страну. Буквально взорвал литературную ситуацию, сделав Проханова настоящей литературной звездой нулевых. Первая прохановская книга с конца 80-х, тираж которой взял стотысячную планку. Наряду с "Деревом в центре Кабула" — второй, самый знаменитый его роман, "хит".

Завершающий роман Семикнижия о генерале Белосельцеве.

"Крейсерова соната" (2002) — восемнадцатый роман. Отправной импульс сюжета — катастрофа подлодки "Курск".

"Надпись" (2004) — девятнадцатый и на тот момент подводящий определённые итоги роман Проханова.

На мой взгляд, безусловная вершина его творчества, великая книга.

"Теплоход "Иосиф Бродский", (2005) — двадцатый роман. Очередная в творчестве Проханова антилиберальная сатира. В числе персонажей — Ксения Собчак.

"Политолог" (2006) — двадцать первый роман. Прототипами главного героя считали Глеба Павловского и Станислава Белковского, чем последний, к слову сказать, был крайне горд.

"Пятая империя" (2007) — двадцать второй роман. Художественное воплощение концепции Проханова о "пяти империях" в российской национальной истории.

"Холм" (2008) — двадцать третий роман. Отправная точка сюжета связана с созданием рукотворного холма под Псковом: масштабная культурологическая акция, организованная Прохановым в своё время. Роман посвящён политическим и уличным баталиям нулевых.

"Виртуоз" (2009) — двадцать четвёртый роман. В центре повествования — кремлёвские политологические игры. Главным прототипом романа критика увидела тогда Владислава Суркова.

"Скорость тьмы" (2009) — двадцать пятый роман. Посвящён созданию истребителя пятого поколения. Выходил также под названием "Истребитель".

"Стеклодув" (2010) — двадцать шестой роман. Четвёртый роман "афганского цикла". Главный герой — разведчик Пётр Суздальцев.

"Пепел" (2010) — двадцать седьмой роман. Пятый роман "афганского цикла". Романы "Стеклодув" и "Пепел" составляют дилогию, объединённые одним главным героем. Но если в первом романе события происходят непосредственно в Афганистане, то второй роман является приквелом и посвящён детству Суздальцева, где будущая война врывается в бытие как предчувствие.

"Алюминиевое лицо" (2011) — двадцать восьмой роман. Мрачная сатира об автопробеге по России с участием московского журналиста.

"Русский" (2011) — двадцать девятый роман. Увлекательная фантасмагория о жутких приключениях "среднестатистического" русского человека, угодившего в адский водоворот; роман так и просится быть экранизированным.

"Человек звезды" (2012) — тридцатый роман. Посвящён деятельности президента Международной академии искусств Виктора Арнольдовича Маерса в губернском приуральском городе П. — перед нами пародия на галериста Марата Гельмана. Какая звезда имеется в виду, тоже очевидно.

"Время золотое" (2013) — тридцать первый роман. Посвящён истории "болотных протестов" и появлению давно чаемого лидера русского национального антибуржуазного протеста.

"Крым" (2014) — тридцать второй роман. Несмотря на название, собственно о "крымской весне" там нет почти ничего. Главный герой романа — молодой вице-премьер, курирующий в правительстве ВПК. Роман, дающий надежду на возможность созидательного преобразования России. Отчасти продолжает тему "производственных романов" Проханова — начиная от "Времени полдень" и "Места действия", через "600 лет после битвы" и "Ангел пролетел" к "Скорости тьмы".

"Убийство городов" (2015) — тридцать третий роман. Посвящён донбасской войне.

"Губернатор" (2016) — тридцать четвёртый роман. Ещё одна, после "Крыма", книга, посвящённая современному политическому деятелю, способному преодолеть хаос политической жизни и выйти победителем в противостоянии.

"Востоковед" (2016) — тридцать пятый роман. Посвящён событиям на Ближнем Востоке (Ливия, Иран) и работе нашей разведки. В данном смысле является продолжением цикла о генерале Белосельцеве и дилогии о разведчике Суздальцеве.

"Убить колибри" (2017) — тридцать шестой роман. Посвящён спецоперации по ликвидации действующего президента, от которого хочет избавиться элита, желающая восстановления монархии. Главное действующее лицо романа… икона Богородицы.

Романы "Русский камень" (2017), "Покайтесь, ехидны!" (2017) и "Подлётное время" (2018) составляют фантасмагорическую антилиберальную трилогию "Удар милосердия".

За данной трилогией следовали экспериментальные романы "Паола Боа" (2018) и "Цифра" (2018), вновь продемонстрировавшие необычайное прохановское остроумие и отличную способность к сломам канона и формы в любом, прямо говоря, писательском возрасте.

"Гость" (2018) — сорок второй роман. Большая пародия на очередной т.н. гайдаровский экономический форум.

"Таблица Агеева" (2020) — сорок третий роман. Прошедший Афганистан и события 1993 года, Пётр Агеев исповедует русскую мечту.

"Леонид" (2021) — сорок четвёртый роман. Главные герои — президент России Леонид Леонидович Троевидов и вице-президент, подполковник Александр Трофимович Верхотурцев. Роман вошёл в новый цикл под названием "Око президента": в этом цикле собран ряд политических романов Проханова, посвящённых кремлёвским перипетиям последних десятилетий: "Господин Гексоген", "Теплоход "Иосиф Бродский", "Виртуоз", "Время золотое".

"Сыны Виссариона" (2021) — сорок пятый роман: очередная фантасмагория о попытке выхода из медийного морока, объявшего нашу страну.

Романы "ЦДЛ" (2021), "День" (2021) и "Он" (2022), составляют "ностальгическую трилогию".

"ЦДЛ" — роман о литературной юности и зрелости протагониста. Отчасти сюжет романа перекликается с происходящим в книге "Последний солдат империи".

"День" — роман о событиях 1993 года: газета, которую издавал в те годы Проханов именовалась, как мы знаем, "День". Эта книга является новым обращением к теме, ставшей основной в романе "Красно-коричневый".

"Он" — очередная вершина прохановской прозы, чудесный роман о детстве главного героя, в котором угадывается нехитро спрятанный под другим именем автор, живущий в Москве военной и послевоенной.

"Меченосец" (2022) — сорок девятый роман. Главный герой — капитан КГБ Сергей Максимович Листовидов, обладатель дарованного ему природой "лобного ока".

"Тайник заветов" (2023) — юбилейный, пятидесятый роман.

* * *

Для полноты картины и пущего порядка, напомним.

Существует также ряд сборников политической публицистики и страстных прозрений Проханова.

Это: "Слово, пронесённое сквозь ад" (1999), "Хроника пикирующего времени" (2005), "За оградой Рублёвки" (2007), "Четыре цвета Путина" (2011), "Поступь русской победы" (2012), "Русский вихрь" (2014), "Новороссия, кровью умытая" (2016), "Страна негасимого света" (2018), "Пятый Сталин" (2019), "В поисках русской мечты" (2019).

Эта публицистика воспитывала нас в минувшие 30 лет и 3 года. Наделяла в смутные дни и яростью, и надеждой.

Своей жизнью Проханов доказал: если никогда не сворачивать с избранного пути — однажды увидишь очертания того самого вечного города, в сторону которого ты шёл. И даже различишь надпись на главной его башне.

Проханов знал всех основных фигурантов политической жизни новейшего времени. Иные скажут, что он несколько раз обманно очаровывался кем-то из них. Но это не верно. Это не Проханов ошибся, а люди оказались слишком малы для его веры.

Известны два сборник бесед Проханова с политическими деятелями: "Свой-чужой" (2007) и "Вопрос в лоб" (2020).

Своеобразным открытием стали три сборника стихов Александра Андреевича Проханова: "Наскальная книга" (2011), "Оплавленный янтарь" (2021), "Расплавленный свинец" (2022). Обратный пушкинскому случай: когда годы, прочь от суровой прозы, стали клонить к поэзии. Не менее, впрочем, суровой.

И, наконец, есть две мемуарные книги Проханова: надиктованный рассказ о жизни "Хождение в огонь" (2011) и сборник заметок и воспоминаний о друзьях и встречах "Заветные люди" (2021).

* * *

Проханов — безусловный мастер в жанре малой прозы.

Он автор более тридцати рассказов и одиннадцати повестей, каждая из которых должна стать поводом для отдельного вдумчивого разговора.

Безусловный шедевр в истории русской литературы как таковой — повесть "Иду в путь мой" (1971).

Это произведение дало название первой книге Проханова — сборнику чудесных, преисполненных радости жизни и тревоги о предстоящем пути рассказов и повестей.

В ту же книгу вошли три повести, написанные в самом начале 70-х: "Радуйся", "Деревенские", "Полёт вечернего гуся".

Во второй сборник малой прозы Александра Проханова "Желтеет трава" (1974) вошли рассказы и лирическая повесть "Их дерево" (1973).

Предчувствиями скорого распада империи преисполнена повесть "Адмирал" (1987), где зафиксирован разлад между строителями советской империи и поколением конца 80-х. Повесть входила в сборник "Записки на броне" (1988).

В сборник афганской прозы "Третий тост" (существует в нескольких отличающихся по составу вариантах; издавался также под названиями "Кандагарская застава" и "Седой солдат") входят повести "Светлей лазури" (1987) и "Охотник за караванами" (1995). Последняя экранизирована в 2010 году.

И, наконец, три поздних повести.

"Певец боевых колесниц" (2017) — это, пожалуй, самая любимая у меня, наряду с романом "Надпись" и сборником "Иду в путь мой", вещь у Проханова: чистое волшебство русского слова.

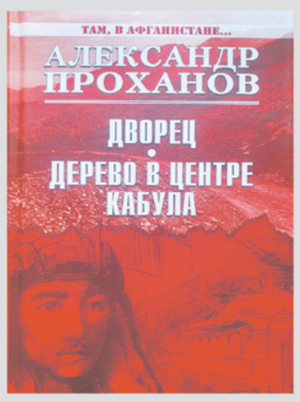
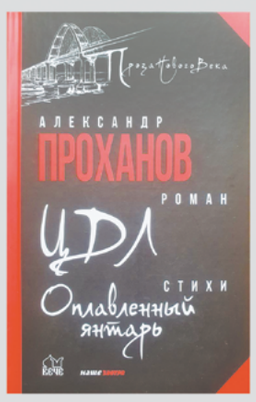
В книгу малой прозы 2018 года "Певец боевых колесниц" входила также повесть "Священная роща".

Последняя на день сегодняшний повесть Александра Андреевича Проханова "Деревянные журавли" (2022) — своеобразная рифма к ранней его прозе и наглядное свидетельство того, что в прохановском случае за, боже мой, полвека литературного труда никуда не исчезло ни удивительное зрение мастера, ни его редчайший слух на слово, ни чуткость к бытию.

Засим прошу Александра Андреевича доверить мне быть редактором его собрания сочинений в 85 томах.

Да не удивит никого эта, в сущности, соразмерная вкладу юбиляра цифра. Достаточно вспомнить, что академическое собрание Льва Николаевича Толстого выходило в 90 томах.

Александр Андреевич, я справлюсь.

До встречи на презентации в Киеве.

Захар ПРИЛЕПИН